

**РЕСУРСЫ ВЛИЯНИЯ И СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Салгириев Али Русланович, кандидат политических наук, старший преподаватель

Чеченский государственный университет
364037, Российская Федерация, г. Грозный, ул. Шерипова, 32
E-mail: 010585@list.ru

В статье рассмотрены ресурсы влияния, стратегии активности и принципы функционирования политических элит. Описывается структура и механизмы формирования элит. Отличительными характеристиками клановых элит является скрытый принцип организации, принятие решений без учета национальных или групповых интересов. В связи с новым механизмом формирования глав субъектов РФ, идет процесс укрепления региональных элит за счет силовых структур, федерального центра, что меняет качественный состав элит. Продолжается централизация вертикали власти. Ведение института Полпредства Президента РФ в федеральных округах, назначение глав субъектов России и т.п. являются мерами по укреплению вертикали власти в стране. Политические элиты анализируются как фактор конфликтности на Северном Кавказе, прирегалированную, политически господствующую группу, главным принципом "вхождения" в которую не профессиональные качества, а личная преданность, принадлежность определенному тейпу, фамилии, клану и т.д. Акцентируется внимание на неформальные принципы организации этноэлит в политическом процессе, клиентарные отношения при инкорпорации в элиту. Вместе с тем, исследуются этнополитические движения на Северном Кавказе, по мнению автора, они несут в себе конфликтный потенциал, так как манипулируют общественным сознанием опираясь на традиционные институты и практики.

Ключевые слова: политические элиты, кланы, этнополитические движения, этноэлиты, Северный Кавказ

**INFLUENCE OF RESOURCES AND STRATEGIES OF POLITICAL ELITE
IN THE POLITICAL PROCESS IN THE NORTH CAUCASUS**

Salgiriev Ali R., Ph.D. (Political Science), Senior Lecturer

Chechen State University
32 Sheripov st., Grozny, 364037, Russian Federation
E-mail: 010585@list.ru

The article examines the impact of the resources, strategies and principles of operation of the activity of political elites. Describes the structure and mechanisms of formation of elites. The distinctive characteristics of the clan elites is the hidden principle of organization, decision-making, excluding national or group interests. In connection with a new mechanism for the formation of heads of subjects of the Russian Federation, is in the process of strengthening the regional elites at the expense of law enforcement agencies, the federal government, which changes the quality of the elites. Continuing centralization of power vertical. Conducting Institute embassy of the Russian President in the federal districts, the appointment of the subjects of Russia, etc. are the measures for strengthening the vertical of power in the country. Political elites are analyzed as a factor of conflicts in the Northern Caucasus, priregalirovannuyu politically dominant group, the main principle of "occurrence" which is not professional quality, and personal loyalty, belonging to a specific teip, families, clans, etc. Focuses on informal organization principles etnoelit in the political process, client relations with the incorporation into the elite. At the same time, we study the ethno-political movement in the North Caucasus, according to the author, they carry the potential for conflict, as manipulated public opinion based on the traditional institutions and practices.

Keywords: political elites, clans, ethnic and political movements, etnoelity, North Caucasus

Региональные политические элиты в силу их статуса, руководящих функций, возможности мобилизации ресурсов относятся к наиболее заметным акторам политического процесса в субъектах РФ. От них в немалой мере зависит характер взаимоотношений с федеральным центром, динамичность социально-экономического развития, создание стабильной обстановки. Структурирование региональных политических элит на протяжении уже реформ общества стало сложным, противоречивым процессом. В первой половине 1990-х гг. в этом сегменте элиты была повышенная доля бывших советских и партийных руководителей. Однако многие из них адаптировались к новым реалиям, а необходимость каждодневного решения острых проблем (безработицы, преодоление экономического кризиса, задержки выплаты пенсий, заработной платы и др.) делали доминирующим в их ориентациях прагматизм, а не идеологические пристрастия.

Линия на укрепление властной вертикали, урегулирование противоречий в отношениях центра и регионов обусловило укрепление правящих региональных политических элит за счет силовых структур, подразделений власти федерального центра. Измененный механизм формирования губернаторского корпуса в регионах резко повышает статус тех лиц, кто поддерживает Президента страны и пользуется его поддержкой. Можно утверждать, что это означает некоторое сужение демократического поля в решении кадровых вопросов. Формирование губернаторского корпуса за прошедшие годы происходило в остроконфликтной ситуации, с применением «черного пиара», нарушением правовых и моральных норм, расходом огромных финансовых средств [15, с. 8]. С одной стороны, это можно рассматривать как дефект неконсолидированной демократии, а с другой стороны, как проявление подданнической политической культуры элиты, борьбы различных групповых, корпоративных интересов (экономических, финансовых, политических). Изучение правящей элиты подтверждает пока еще ее низкую консолидированность, экономическую и политическую ангажированность. В то же время, региональные политические элиты становятся лояльнее в отношениях с центром, преодолевается имеющая место в 1990-х гг. тенденция к сепаратизму. Укрепление взаимоотношений центральной и региональной элиты на основе разграничения предметов ведения можно рассматривать как положительную тенденцию, работающую на реализацию тезиса «сильный центр – сильные регионы – сильная Россия».

Хотя сегодня наблюдаются процессы деавтономизации элит, пересмотра системы «правил игры», изменения баланса сил между федеральным центром и регионами, субнациональные элиты продолжают оставаться активными участниками политических процессов. Стабильное развитие, а на уровне государства – сохранение системы позитивной децентрализации (вертикальное разделение власти), без которой невозможно эффективное управление современным государством, имеющим сложную политическую структуру, зависит от деятельности политической элиты. Поскольку в политических элитах представлены различные социально-политические силы и интересы, особую актуальность приобретает проблема понимания социальных механизмов формирования политических элит.

Структура политической элиты постсоветской России связана со структурой органов государственной власти в стране, но это формальный аспект. Огромную роль в политическом процессе играет также неформальная структура элит, прежде всего, группировки и кланы внутри элиты, ведущие открытую или чаще скрытую борьбу за власть и влияние. Каждая элитная группировка возглавляется лидером, который обычно контролирует ту или иную государственный орган власти или регион. Между ним и членами группировки возникают клиентарные отношения. В современных условиях, как считает М.Н. Афанасьев, «реальными структурными единицами властвующего слоя – факторами, чья деятельность структурирует сферу власти, – выступают клиентарные группировки», принимающие форму патроната [1].

Можно выделить некоторые типичные для клановой элиты отличительные характеристики:

- скрытый и независимый от общества процесс подготовки и принятия решений. Лица, принимающие решения, руководствуются не национальными, а групповыми (клановыми или «семейно-родовыми») интересами, главным из которых является удержание власти;
- стремление к монополизации власти путем установления контроля над наиболее влиятельными финансово-промышленными группировками и СМИ;
- правовой нигилизм в отношении к действующему законодательству, рассмотрение его как инструмента по достижению политического доминирования;
- назначение на ответственные должности людей, главным «достоинством» которых являются не профессиональные и деловые качества, а неуклонное следование интересам господствующей политической группировки в соответствии с принятыми правилами игры («понятиями»).

Региональные российские элиты формируются по примерно таким же правилам, хотя процессы их рекрутирования имеют существенные особенности и варьируются в зависимости от традиций конкретного региона.

Наиболее радикальные формы поведения проявляли этнополитические движения на Северном Кавказе. Очевидно, такая география радикализма определяется объемом ресурсов и степенью зрелости идеологии движений.

Первоначальной формой данных движений явились национальные съезды. А.Н. Смирнов резонно отмечает, что в период распада СССР национальные съезды представляли собой влиятельные институты самоопределения, выражения этнических интересов и политического представительства. Они выдвигали требования национального суверенитета, приоритета региональных законов над федеральными, территориальные притязания к соседним регионам России и государствам СНГ. По сути, они стремились стать параллельными структурами политической власти. Тактику съездов применяли: Национальный совет балкарского народа и Конгресс кабардинского народа в Кабардино-Балкарии; «Стыр Нахас» и общественно-политическое объединение «Наша Осетия» в Северной Осетии; «Тенглик», «Садвал», «Бирлик», «Народный фронт имени Шамиля» в Дагестане; «Адыгэ хасэ» в Адыгее и Карачаево-Черкесии и др.

Наиболее сложными были случаи ирредентистских движений. Так, лезгинское движение «Садвал» выступало за воссоединение своего этноса, разделенного государственной границей между РФ (2/3 лезгин) и Азербайджаном (1/3). Движение «Адамон Цадис» в Осетии требовало воссоединить Республику Северную Осетию и Юго-Осетинскую автономную область в составе РФ.

Требования «внутреннего сепаратизма» – раздела существующих субъектов федерации и создания новых регионов по этническому принципу выдвигали ингушские, карачаевские, балкарские, ногайские, кумыкские, черкесские, кабардинские, лезгинские движения [8, с. 6–15]. Характерно, что из 168 территориально-этнических притязаний в пределах бывшего СССР 43 % высказывали этнополитические движения и партии, 18 % – СМИ, 25 % – органы государственной власти регионального уровня и 16 % – органы власти федерального уровня. В целом же волну территориальных притязаний в 1994 г. федеральные и региональные элиты ввели в контролируемое русло, а затем свели на нет.

В ряде случаев этнополитические движения обретали тип межрегиональной организации на языковой или геополитической основе: Конфедерация горских народов Кавказа, Международная черкесская ассоциация, Ассамблея тюрских народов, «Адыгэ хасэ».

В силу географических условий наиболее развитый организационный тип движений закрепился в Дагестане, где движения переросли в «этнопартии» (по Э.Ф. Кисриеву) [4, с. 102–115]. Они строятся по кланово-родственным объединени-

ям, территориальны, связаны с религиозными корпорациями. И одновременно дагестанские группировки имеют все структурные и функциональные признаки партий:

- интерес, необходимый для мобилизации сторонников;
- организационную структуру;
- поддержку двух видов: финансовую со стороны экономических элит и социальную со стороны этнических групп населения.

О распространённости явления можно судить по тому факту, что 25 % из 139 общественных организаций Дагестана в 1994 г. имели характер моноэтнических объединений с политическими целями [5, с. 124]. С июля 2003 г. создание и деятельность партий по этническому, религиозному, региональному признакам запрещено федеральным законодательством. Но, к сожалению, этнические размежевания сохраняются, они просто переместились вглубь региональных отделений общероссийских партий. Однако дагестанские движения не тождественны этнонациональным. Они выражают интересы территориальных общин (джамаатов), могут блокироваться с аналогичными структурами иных народов республики. Такая система вызвана несовпадением различных осей социокультурных расколов в Дагестане, где переплетаются сложные этнические, религиозные, территориально-общинные, клиентелистские и иные разделения сообщества (по М.-Р. Ибрагимову, К. Мацузато).

Хотя даже в 1992–1993 гг., на пике мобилизации, радикальные требования подерживали 10–15 % титульного населения республик [13], недооценивать их опасность нельзя. В ряде случаев этнополитические движения создавали незаконные военизированные формирования (на Северном Кавказе). Как известно, в Чечне им удалось реализовать смену элит и сепаратистский переворот (август–сентябрь 1991 г.).

Вместе с тем, этнополитические движения всегда имели сложную структуру, радикальные течения вели острое соперничество с умеренными и политически индифферентными. Это позволило правящим элитам республик стать ведущей стороной в партнёрстве с движениями, использовать их как средство «торга с Москвой» о статусе регионов и «громоотвод» массового недовольства экономическим кризисом. По мере того, как правящие номенклатурные кланы республик восстанавливали контроль над политическими настроениями населения, этнополитические движения интегрировались в структуру государственных органов.

А.Н. Смирнов приводит пример Кабардино-Балкарии, где республиканские съезды народов получили законодательное закрепление, а представители лояльных движений были включены в состав консультативного совета при региональном парламенте [12, с. 79–81]. Радикально-оппозиционные движения и съезды диаспор такого статуса не получили. В Ингушетии съезды народов республики, по сути, определяли задачи и формы развития органов власти в 1993–1995 гг., когда деятельность партий и политических организаций в зоне чрезвычайного положения была приостановлена.

В Чечне национальные съезды и массовые этнополитические движения (Объединенный конгресс чеченского народа, «Нийсхо», Вайнахская демократическая партия и др.) при всей внутренней сегментации стали основой сепаратистского режима 1990-х гг., дали ему идеологию и организационное строение [7, с. 104–112].

От каких факторов зависит контрастный исход взаимодействия этнических элит и этнополитических движений? Влияние типа политической системы выявил Т. Гурр. Он выделяет три ключевые фактора: масштаб и силу государственных институтов; характер политических ценностей и зрелость практики институционализированной демократии; дестабилизирующий эффект демократизации в авторитарных системах [3].

Эта модель означает, что авторитарные нормы и практики политической деятельности были в Чечне [9, с. 82–85] и в целом на Северном Кавказе укоренены значительно сильнее, чем в других ареалах. Политические институты здесь становились всё более этнократическими, а политическая культура оставалась патриархальной и интолерантной, допуская насилие как метод достижения коллективных целей. Это и

обусловило преобладание неправовых, неконвенциональных тактик этнополитических движений, переход правящих элит на сторону националистов.

Рассмотренные позиции позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время институт государственности на региональном уровне кардинально трансформировался. Он отвечает потребностям этнополитических элит в извлечении высоких доходов при крайнем обнищании основной массы населения, для чего используется механизм этнической мобилизации [10, с. 166–169].

Список литературы

1. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность / М. Н. Афанасьев. – Москва : Московский общественный научный фонд, 1996. – 301 с.
2. Глезер О. Б. Самая политическая карта бывшего СССР / О. Б. Глезер, В. Н. Петров, В. Н. Стрелецкий // Московские новости. – 1992. – № 13. – С. 9.
3. Гурр Т. Почему люди бунтуют / Т. Гурр. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 461 с.
4. Ибрагимов М.-Р. Чужой, но лояльный: Политический режим в постсоветском Дагестане / М.-Р. Ибрагимов, К. Мацузато // Полис. – 2005. – № 5. – С. 102–115.
5. Калоева Е. Б. Балканский кризис и ситуация на Кавказе: размышления об общности уроков / Е. Б. Калоева // Россия и современный мир. – 2004. – № 3. – С. 124.
6. Кисриев Э. Ф. Национальность и политический процесс в Дагестане / Э. Ф. Кисриев. – Махачкала : Российская академия наук, 1998. – С. 32–33.
7. Коротков В. Е. Чеченская модель этнополитических процессов / В. Е. Коротков // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3. – С. 104–112.
8. Петров Н. В. Что такое полиэтнизм?: Территориально-этнические притязания и конфликты на территории бывшего СССР / Н. В. Петров // Полис. – 1993. – № 6. – С. 6–15.
9. Салгириев А. Р. Механизмы формирования политических элит в Чеченской Республике / А. Р. Салгириев // Глобальный научный потенциал. – 2012. – № 8 (17). – С. 82–85. – Режим доступа: <http://globaljournals.ru/files/global/Vipusk17.pdf>, свободный. – заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Салгириев А. Р. Этнополитические элиты как фактор конфликтности в политических процессах на Северном Кавказе / А. Р. Салгириев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6, ч. 2. – С. 166–169.
11. Сарматин Е. С. Проблемы «чеченской революции» / Е. С. Сарматин // Полис. – 1993. – № 2. – С. 170–171.
12. Смирнов А. Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе / А. Н. Смирнов. – Москва : Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, 2001. – С. 79–81
13. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны / В. А. Тишков. – Москва : Наука, 2001. – 552 с.
14. Тощенко Ж. Т. Потенциально опасные точки: Этнополитическая ситуация в России в 1993 году / Ж. Т. Тощенко // Независимая газета. – 1 марта 1994.
15. Шамсуев М.-Э. Х. Политическое обеспечение информационной безопасности на Северном Кавказе в условиях глобализации : автореф. дисс. канд. полит. наук / М.-Э.Х. Шамсуев. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2012. – С. 8.

References

1. Afanasev M. N. *Klientelizm i rossiyskaya gosudarstvennost* [Clientelism and the Russian state], Moscow; Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond Publ., 1996. 301 p.
2. Glezer O. B., Petrov V. N., Streletskiy V. N. Samaya politicheskaya karta byvshego SSSR [Most political map of the former Soviet Union]. *Moskovskie novosti* [Moscow News], 1992, no. 13, pp. 9.
3. Gurr T. *Pochemu lyudi buntuyut* [Why do people riot], Saint-Petersburg, Piter Publ., 2005. 461 p.
4. Ibragimov M.-R., Matsuzato K. Chuzhoy, no loyalnyy: Politicheskij rezhim v postsovetskom Dagestane [Alien, but loyal: The political regime in the post-Soviet Dagestan]. *Polis* [Policy], 2005, no. 5, pp. 102–115.
5. Kaloeva Ye. B. Balkanskiy krizis i situatsiya na Kavkaze: razmyshleniya ob obshchnosti urokov [The Balkan crisis and the situation in the Caucasus: reflections on community lessons]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World], 2004, no. 3, pp. 124.
6. Kisriev E. F. *Natsionalnost i politicheskij protsess v Dagestane* [Nationality and the political process in Dagestan], Mahachkala, Russian Academy of Sciences Publ. House, 1998, pp. 32–33.

7. Korotkov V. Ye. Chechenskaya model etnopoliticheskikh protsessov [Chechen model of ethno-political processes]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social studies and the present], 1994, no. 3, pp. 104–112.
8. Petrov N. V. Chto takoe polietnizm?: Territorialno-etnicheskie prityazaniya i konflikty na territorii byvshego SSSR [What is polietnizm?: Territorial ethnic claims and conflicts on the territory of the former USSR]. *Polis* [Policy], 1993, no. 6, pp. 6–15.
9. Salgiriev A. R. Mekhanizmy formirovaniya politicheskikh elit v Chechenskoj Respublike [Mechanisms for the formation of political elites in the Chechen Republic]. *Globalnyy nauchnyy potentsial* [Global Scientific Resources], 2012, no. 8 (17), pp. 82–85. Available at: <http://globaljournals.ru/files/global/Vipusk17.pdf>.
10. Salgiriev A. R. Etnopoliticheskie elity kak faktor konfliktogenosti v politicheskikh protsessakh na Severnom Kavkaze [Ethno-political elite as a factor of conflicts in the political process in the North Caucasus]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Theory and Practice], 2012, no. 6, part 2, pp. 166–169.
11. Sarmatin Ye. S. *Problemy «chechenskoy revolyutsii»* [The problem of "Chechen Revolution"]. *Polis* [Policy], 1993, no. 2, pp. 170–171.
12. Smirnov A. N. *Etnopoliticheskie protsessy na Severnom Kavkaze* [Ethno-political processes in the North Caucasus], Moscow, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences Publ. House, 2001, pp. 79–81.
13. Tishkov V. A. *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte: Etnografiya chechenskoy voyny* [Society in armed conflict: Ethnography of the Chechen war], Moscow, Nauka Publ., 2001. 552 p.
14. Toshchenko Zh. T. Potentsialno opasnye tochki: Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii v 1993 godu [Potentially dangerous point: ethno-political situation in Russia in 1993]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], March 1 1994.
15. Shamsuev M.-E. Kh. *Politicheskoe obespechenie informatsionnoy bezopasnosti na Severnom Kavkaze v usloviyakh globalizatsii* [Political information security in the North Caucasus in the context of globalization], Krasnodar, Kuban State University Publ. House, 2012, pp. 8.